

**ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО МОДЕРНИЗАЦИОННОГО
ПРОЦЕССА (СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Аннотация. Авторы рассматривают российскую модель государственной модернизации. Они анализируют различные препятствия, экономические и политические силы, задействованные в этом процессе, а также его особенности.

Ключевые слова: модернизация государства, создание современного государства в России, мировой модернизационный процесс.

Abstract. The authors considers Russian model of state modernization. They analyze different obstacles, economic and political forces behind this process and its peculiarities.

Keywords: modernization of state, creation of modern state in Russia, world modernizing process.

Россия, как и другие крупные державы в XIX в., вступила на путь «осовременивания». Многие авторы (например, С. Блэк, А. С. Ахиезер) называют это «догоняющей» модернизацией [1, 2], но правильнее назвать этот феномен запаздыванием модернизационного развития, причем запаздыванием не в чисто общепланетарном масштабе, а только по сравнению с европейскими странами и США. Временной лаг между началом модернизации на Западе и в России вполне объясним многими факторами: прежде всего неблагоприятными природно-климатическими условиями¹ и известной деформацией общественного развития в результате татаро-монгольского завоевания². По наблюдениям Ф. Броделя, Россия вплоть до XVIII в. представляла собой замкнутый «мир-экономику» [5], а это ограничивало внешнее влияние. В то же время модернизационные процессы здесь и на Западе обладали некоторыми общими истоками и закономерностями. Прежде всего они имели некие модернизационные импульсы, т.е. предпосылки экономико-технологического, духовно-культурного, социально-экономического свойства.

Если для Запада самые ранние из таких импульсов датируются XVI в., то для России – началом XVIII в. На Западе это плюрализация и рационализация религиозности в условиях Реформации, развитие мануфактурного производства и накопление технологических инноваций, успехи естественных наук и заметная секуляризация сознания, распространение в обществе идей Просвещения и политика «просвещенного абсолютизма» [6].

¹ Длинные холодные зимы с короткими жаркими летними периодами, долгое отсутствие выхода у государства к незамерзающим морям предопределили трудности для российского сельского хозяйства и торговли [3]. Аналогичных выводов придерживается и Р. Пайпс: «скверные качества почвы на Севере и капризы дождя, который льет сильнее именно тогда, когда от него меньше всего толка», короткий сельскохозяйственный сезон в 4–5,5 месяца против 8–9 месяцев в Западной Европе, низкая урожайность в сам-3 (в лучшем случае – сам 5) [4].

² Полагают, что двухсотлетнее господство преемников хана Батыя стимулировало развитие жестких авторитарных форм власти.

В России первым предвестником модернизации стал **курс на европеизацию** царя Петра I (рис. 1).

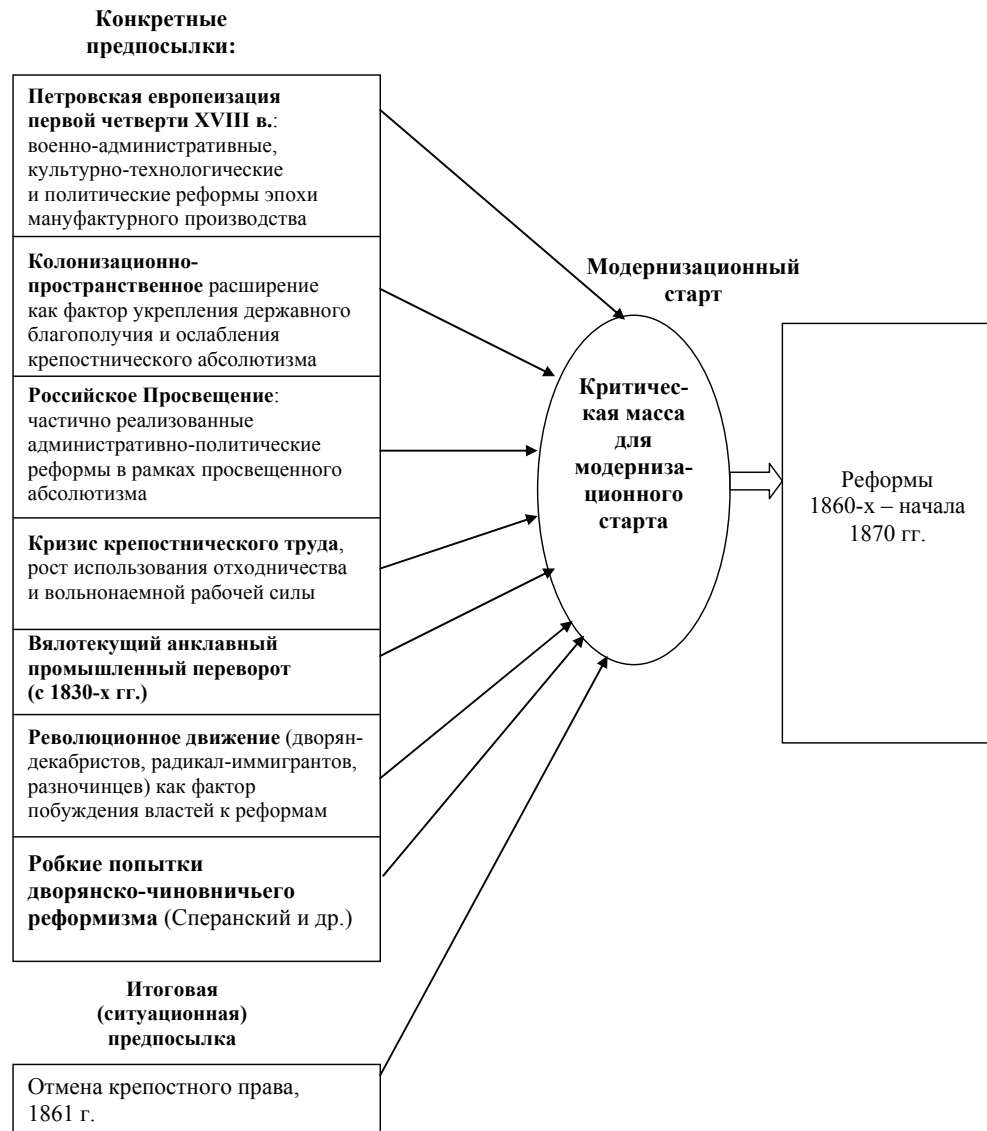

Рис. 1. Модель модернизационного старта для России, XVIII – середина XIX в.

Петр I изучал и внедрял не только политический и административный опыт западных стран [7, с. 106, 107], но, что гораздо важнее, пытался осуществить хозяйственные нововведения. Пожалуй, наиболее образно их оценил дореволюционный историк М. П. Погодин: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, руководство, виноделие, торговля, внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии – суть памятники его неутомимой деятельности и

его гения» [8]. Для обмундирования и вооружения армии (в 1715 г. ее численность превышала 220 тыс. человек) не жалелись ни силы, ни средства, в результате чего наша страна обладала в период Северной войны 13 тыс. пушек, а ежегодное производство стрелкового оружия превысило 20 тыс. единиц [9].

В дальнейшем процесс развития шел уже без мобилизационного надрыва, причем здесь использовались и феодализованные, и новые вольнонаемные мануфактуры, и предприятия смешанных типов. Точные данные, к сожалению, отсутствуют. Так, по одним оценкам, «вместо 233 мануфактур, имевшихся к концу царствования Петра, ко времени воцарения Екатерины II (1762 г.) их было 984, а ко времени ее смерти (1796 г.) – 3161 (не считая горных...)». По другим подсчетам (по более крупным предприятиям), – «201 фабрика в 1761 г. и 478 в 1776 г.» [10].

Колонизационно-пространственное расширение – это важный признак российской государственности. В отличие от стран Западной Европы, которым некуда было расширяться на континенте и можно было думать о дорогостоящей и чреватой международными конфликтами заморской экспансии, Россия спокойно и без особого напряжения сил завоевала Казанские и Астраханские ханства, Сибирь. После преодоления в начале XVII в. критической для страны Смуты и иностранной интервенции новыми направлениями территориального расширения стали Украина и западные земли. Несомненно, что все это, с одной стороны, поднимало могущество и авторитет российской державы, а с другой – потенциально ослабляло крепостнический режим. Вспомним, что все наиболее мощные крестьянские выступления – под руководством Степана Разина (1667–1671) и Емельяна Пугачева (1773–1775) – зарождались на периферии. В конце концов вольный дух казачества демонстрировал всей остальной России отличные от крепостного состояния идеологию и социально-психологический настрой. Самодержавная власть, принимая во внимание сложносоставной характер империи и ее размеры, в XIX в. была вынуждена учитывать в схемах управления специфику окраинных территорий (например, Финляндии или Польши).

Вторая половина XVIII в. была отмечена еще одной важной модернизационной предпосылкой – **распространением идеологии и культуры Просвещения**. Будучи частью общеевропейских процессов, российское Просвещение имело некоторую специфику. Российская императрица Екатерина II оказалась далека от крупных реформационных шагов, как, например, Иосиф II в Австро-Венгрии или Фридрих II в Пруссии, но на словах она отдавала дань просвещенческим идеям (чего не скажешь в то же время о французских монархах Людовике XV и Людовике XVI). Во всяком случае российская императрица позволила определенную свободу высказываний в малотиражной журнальной периодике и долгое время терпела издательскую деятельность Н. И. Новикова. Сосредоточившись на выпуске переводных книг прогрессивного содержания, он организовал «Типографическую компанию» из 14 пайщиков. «...В 80-е годы чуть ли не третья часть всех изданных в России книг выходила из руководимых им типографий. А в абсолютных цифрах это почти 800 названий, многие из которых были многотомными» [11].

Для развития модернизации очень важное значение имеет экономическая основа, которая придает устойчивость и долговременность процессам обновления. Если же говорить об их экономических предпосылках, то это

кризис крепостнического труда и вялотекущий промышленный переворот анклавного характера, которые явно обозначили себя в 1830-е гг. Неадекватность экономической ситуации обнаруживается, как видно из табл. 1, 2, с каждым десятилетием после 1830 г.

Таблица 1

Валовый национальный продукт для великих европейских держав в 1830–1860 гг. (по рыночным ценам 1960 г. в млрд долл.) [12]

Страны	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.
Россия	10,5	11,2	12,7	14,4
Франция	8,5	10,3	11,8	13,3
Великобритания	8,2	10,4	12,5	16
Германия	7,2	8,3	10,3	12,7
Австро-Венгрия	7,2	8,3	9,1	9,9
Италия	5,5	5,9	6,6	7,4

Таблица 2

Валовый национальный продукт в душевом исчислении для великих европейских держав, 1830–1860 гг. (по рыночным ценам 1960 г. в долл.)

Страны	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.
Великобритания	346	394	458	558
Франция	264	302	333	365
Германия	245	267	308	354
Австро-Венгрия	250	266	283	288
Италия	265	270	277	301
Россия	170	170	175	178

Если в 1830 г. ВВП Российской империи достигает наивысших показателей в Европе, что является результатом усиленного расширения производства на экспорт в екатерининскую эпоху, то далее наблюдается «эрозия» этого лидерства не только со стороны Великобритании, но и Франции, Германии. Самое же главное, что душевой показатель ВВП России не только был максимально низким, но и практически не вырос за 30 лет. И это не удивительно, ибо некоторый умеренный рост и масштабы в 1830–1850-е гг. были присущи только текстильному комплексу, на долю которого приходилось две трети стоимости промышленной продукции. «За 1830–1850 гг. число машиностроительных предприятий в России возросло с 7 до 25 заводов <...> в целом это были небольшие предприятия с числом рабочих в 1475 человек с производительностью в 423, 4 тыс. рублей» [13]. В самом зачаточном состоянии находился железнодорожный транспорт, а значит, он не только не работал на перемещение грузов и пассажиров, но и не стимулировал своими заказами другие отрасли производства. Но самой главной бедой России при обширности ее территории было **узколокальное распространение передовых технологий**. Например, в типичном губернском городе Пензе в конце 1830-х гг. ни о какой серьезной промышленности говорить не приходилось – 12 предприятий при 90 рабочих (причем самое крупное из них по производству водки)! В то же время в городе проживали 500 ремесленников, занятых индивидуальным трудом, обслуживающих свыше 8 тыс. крестьян, 1 тыс. служащих военного и гражданского ведомства, более 2 тыс. нижних военных чинов и

более 6 тыс. мешан [14]. Не думаем, что ситуация в соседних (Тамбове, Саратове, Самаре) и других губернских городах была принципиально иной. Тем не менее, не будем забывать о том, что именно механизация текстильных отраслей послужила на Западе трамплином для всеотраслевой модернизации экономики. То же самое происходило и в России, но более замедленными темпами.

Застойный характер экономики особо остро ощущали лучшие умы России, многие из которых стали в оппозицию режиму. **Революционное движение** обладает свойством принуждать власти к реформам, однако в отличие от европейских столиц, богатых на революции в XIX в., единственным случаем демонстративного неповиновения в российской столице были события на Сенатской площади в 1825 г. Движение декабристов напугало власти своим проникновением в среду дворян-офицеров, но на практике привело не к смягчению, а к ужесточению самодержавного режима при Николае I.

Видимо, большее значение как модернизационная предпосылка имели робкие попытки **дворянско-чиновничьего реформизма**. В самом первичном виде они относятся к эпохе Александра I, когда люди из ближайшего окружения царя М. М. Сперанский, Н. Н. Новосильцев, А. А. Аракчеев склонялись к формулированию неких конституционных проектов. Наиболее горячим из их сторонников оказался первый из них. Проект М. М. Сперанского «Введение к Уложению государственных законов», подготовленный в 1809 г., оценивается исследователями как «наивысшее в тот период достижение российской конституционной мысли» [15], попытка «ограничения самодержавия и создания в России монархии буржуазного типа» [16]. Предполагалось разграничить законодательную, исполнительную и судебную власть, каждая из которых концентрировалась бы в специальном учреждении (Государственной Думе, министерстве, Сенате). Законодательную власть предлагалось выстроить как систему представительных органов на всех уровнях административно-территориального деления империи. Государственная Дума была призвана ограничивать законодательные prerogatives монарха. Ей должна быть подотчетна исполнительная власть в лице министров [7, с. 115]. Кроме того, Сперанский представил проект «довольно стройной конституции органов и процессуального механизма осуществления правосудия в стране, основанного на выборности и ответственности судей, наличии присяжных, публичности и повышении надзора за соблюдением законности как в вопросах применительно материального, так и процессуального права» [17].

Сперанский чувствовал враждебность дворянства и чиновничества к своим проектам и предупреждал об этом императора [18]. Но тем не менее падение реформатора состоялось в марте 1812 г.: он был отправлен в ссылку вначале в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Три года пребывания в должности Пензенского губернатора и два года в должности Сибирского генерал-губернатора не вернули автору амбициозных проектов былого влияния, доказав шаткость положения реформаторов в России.

В царствование Николая I подход к возможным преобразованиям государственного управления и общественных отношений стал значительно более сдержанным, но в конце концов подспудно вызревавшие мысли о новациях вылились в первые годы царствования Александра II в Крестьянскую реформу 1861 г. Она стала именно тем последним толчком, который инициировал модернизационный старт (рис. 2).

Рис. 2. Модернизационная модель для России, середина XIX – начало XX в.

Реформы 1860–1870-х гг. (крестьянская, судебная, городская, военная) привели к преобразованию социальных отношений и системы управления, но самое главное – они ускорили промышленный переворот. Концентрация производства затронула прежде всего хлопчатобумажную промышленность. «Фабрик с количеством от 1 до 5 тыс. рабочих насчитывалось в 1866 г. 26, в 1879 г. – 41 и в 1890 г. – 59. В конце XIX в. появились гигантские по тому времени комбинированные предприятия Морозовых в Твери, Богородских в Орехово-Зуеве, Коншиных – в Серпухове, Прохоровых в Москве и др., численность рабочих на которых превышала или приближалась к 5 тыс. человек» [19].

Несомненно, что в последней трети XIX в. позитивные сдвиги в российской экономике были, в том числе и на фоне других великих европейских держав (табл. 3, 4).

Таблица 3

Валовый национальный продукт для великих европейских держав
в 1860–1890 гг. (по рыночным ценам 1960 г. в млрд долл.) [12]

Страны	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Россия	14,4	22,9	23,2	21,1
Франция	13,3	16,8	17,3	19,7
Великобритания	16,0	19,6	23,5	29,4
Германия	12,7	16,6	19,9	26,4
Австро-Венгрия	9,9	11,3	12,9	15,3
Италия	7,4	8,2	8,7	9,4

Таблица 4

Валовый национальный продукт в душевом исчислении для великих
европейских держав, 1860–1890 гг. (по рыночным ценам 1960 г. в долл.)

Страны	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Великобритания	558	628	680	785
Франция	365	437	464	515
Германия	354	426	443	537
Австро-Венгрия	288	305	315	361
Италия	301	312	311	311
Россия	178	250	224	182

В 1870 г. по сравнению с 1860 г. резко увеличился ВВП, который вновь (правда, временно) вывел Россию в европейские лидеры. В 1870 и 1880 гг. вырос ВВП и в душевом исчислении. Однако в то время как на Западе вовсю разворачивалась индустриализация, в России только-только в 1880 г. завершился промышленный переворот. Иными словами, здесь в последней трети XIX в. имела место только **первичная стадия модернизации**, которую Запад прошел в первой половине XIX в.

Особенно медленно осуществлялись изменения в государственно-политической сфере. Вследствие отмены крепостного права и дворянских привилегий население приобрело основные личные (неполитические) права. Вводились принципы всеобщности в комплектовании армии и в деятельности органов народного просвещения. Новые институты (присяжных заседателей, поверенных), а также принципы судостроительства и судопроизводства (равенство граждан перед судом, гласность судопроизводства, состязательный процесс) установила Судебная реформа 1864 г. Однако избирательные права российским гражданам были предоставлены только на местном уровне при формировании земских и городских органов самоуправления. Не было условий для становления политических партий и даже элементарного проявления более или менее значимых общественных инициатив в масштабах государства.

Возможно, реформы 1860-х гг. заложили институциональную структуру гражданского общества «достаточного масштаба и автономности, чтобы противостоять монополии режима на политическую власть» [20–22]. Однако сам режим всячески тормозил развитие общественных инициатив. Как признавал в своем дневнике бывший министр внутренних дел П. А. Валуев, «мы... душим вместо того, чтобы управлять, и рядом с этим создаем магистратуру, гласный суд и свободу или полусвободу печати...» [23].

В последнем своем заявлении о полусвободе печати П. А. Валуев даже идеализировал ситуацию. Принятый в 1865 г. новый цензурный устав сохранял предварительную цензуру за провинциальной печатью. В то же время там, где она могла быть отменена, требовалось внесение залога от 2,5 до 5 тыс. руб. Правительство, опираясь на опыт режима Наполеона III во Франции, широко использовало систему предупреждений. «С сентября 1865 г. по 1 января 1880 г. предостережения будут даны 167 изданиям, приостановлено 52 в общей сложности на 13 лет и 9 месяцев» [24]. Более того, политическая несвобода и низкий образовательный уровень населения предопределили слабое развитие печати: среднетиражных печатных органов с тиражом в десятки тысяч экземпляров в России были единицы (например, газета «Новое время», созданная в 1876 г.).

Решительное ускорение российской экономики на рубеже XIX–XX вв., в которой началось успешное развитие тяжелой промышленности, нефтедобычи и нефтепереработки, железнодорожного транспорта, формирование первых монополистических объединений, демонстрировало недопустимый разрыв хозяйственной и политической модернизации. В годы первой русской революции 1905–1907 гг. правящий режим был вынужден согласиться на определенную конституционализацию государственного строя. Манифест императора Николая II от 17 октября 1905 г. провозглашал политические свободы (неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний, союзов). Был сформирован выборный законодательный общероссийский орган – Государственная Дума, а Государственный Совет, бывший совещательным органом при царе, приобрел статус верхней палаты парламента с правом законодательной инициативы. Половина членов в нем по-прежнему назначалась царем, а половина избиралась по квоте от духовенства, земских собраний, дворянских обществ, академической и вузовской науки, торгово-промышленных кругов. При всем желании дореволюционных российских правоведов и современных западных русистов увидеть в новых органах некий вариант западного парламентаризма правильнее говорить о формировании режима дуалистической монархии [25]. Складывается весьма неустойчивая многопартийная система с размытыми фракциями в Государственной Думе [26]. В то же время начинает формироваться дифференцированный рынок среднетиражных изданий с массовыми и качественными газетами, на котором ощущается влияние крупного капитала.

В целом возможность перехода ко вторичной модернизации государственно-политической сферы была прервана Первой мировой войной. Как известно, Россия не выдержала столь суровых испытаний. Ее медленно и анклавно индустриализовавшаяся экономика и находившееся только в стадии становления гражданское общество, которое деформировали острые социальные противоречия, не смогли выработать стимулы к быстрой замене устаревшего самодержавия на более современные и эффективные формы государственно-политической жизни.

Список литературы

1. **Крупина, Т. Д.** Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX вв. / Т. Д. Крупина // История СССР. – 1971. – № 1. – С. 198.
2. Российская модернизация: проблемы и перспективы : материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3, 4.

3. **White, C. M.** Russia and America: the Roots of Economic Divergence / C. M. White. – L., 1987.
4. **Пайпс, Р.** Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М., 1993. – С. 16–21.
5. **Бродель, Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М., 1992. – Т. 3. Время мира. – С. 16.
6. **Саломатин, А. Ю.** Политическая модернизация: сравнительный анализ моделей развития на примере США и России / А. Ю. Саломатин, А. С. Туманова. – Пенза, 2010. – С. 6.
7. **Медушевский, А. М.** Конституционные проекты в России / А. М. Медушевский // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX вв. – М., 2000.
8. **Погодин, М. П.** Петр Великий / М. П. Погодин // Историко-критические отрывки. – М., 1845. – Т. 1. – С. 342
9. **Kahan, A.** Contingents in Economic Activity and Policy. During the Post Petrine Period in Russia / A. Kahan // Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin. – N.Y., 1974. – P. 57.
10. **Лященко, П. И.** История народного хозяйства СССР / П. И. Лященко. – М., 1950. – Т. 1. – С. 449, 450.
11. **Краснобаев, Б.** Очерки истории русской культуры XVIII века / Б. Краснобаев. – М., 1972. – С. 320.
12. **Kennedy, P.** The Rise and Fall of the Great Powers Economic Change and military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. – N.Y., 1987. – P. 170, 171.
13. **Соловьева, А. М.** Промышленная революция в России в XIX в. / А. М. Соловьева. – М., 1990. – С. 60, 61.
14. Пензенские губернские ведомости. – 20 января. – 1839 г.
15. **Сахаров, А. Н.** Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России / А. Н. Сахаров // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. / отв. ред. С. Бертолисси, А. Н. Сахаров. – М., 2000. – С. 58.
16. **Мироненко, С. В.** Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. – М., 1989.
17. **Кодан, С. В.** Божьей милостью Чиновник. М. М. Сперанский и Российское государство / С. В. Кодан. – Екатеринбург, 2001. – С. 117, 118.
18. **Осипенко, С. В.** Политико-правовое учение М. М. Сперанского / С. В. Осипенко. – Тверь, 2007. – С. 21.
19. **Лаверычев, В. Я.** Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900 / В. Я. Лаверычев. – М., 1974. – С. 15.
20. **Emmons, T.** The Zemstvo in Historical Perspective / T. Emmons // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / Eds. Terence Emmons and Wayne S. Vucinich. – Cambridge, 1982. – P. 433.
21. **Figes, O.** A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution / O. Figes. – N.Y., 1996. – P. 162.
22. **Engelstein, L.** The Dream of Civil Society in Tsarist Russia: Law, State and Religion / L. Engelstein // Civil Society Before Democracy: Lessons from Nineteenth-century Europe / Ed. Nancy Borneo and Philip Nord. – Lanham, 2000. – P. 23–41.
23. **Соловьев, Ю. Б.** Самодержавие и дворянство в конце XIX в. / Ю. Б. Соловьев. – Л., 1973. – С. 20.
24. **Жирков, Г. В.** История цензуры в России. XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. – М., 2001. – С. 145, 146.
25. **Ильин, А. В.** Форма правления в России в 1905–1917 гг. // Историко-правовой вестник : сборник научных статей / отв. ред. А. С. Туманова. – Тамбов, 2005. – Вып. 1. – С. 212–214.
26. **Демин, В. А.** Государственная дума России: механизм функционирования / В. А. Демин. – М., 2006. – С. 38–41.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
и основ права, руководитель Центра
сравнительно-правовой политики,
Пензенский государственный
университет, действительный член
Академии политической науки

E-mail: valeriya-zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yuryevich

Doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of political science
and law foundations, director of the Center
of comparative legal policy, Penza State
University, full member of the Academy
of political science

Туманова Анастасия Сергеевна

доктор юридических наук,
доктор исторических наук,
профессор, кафедра теории государства
и сравнительного правоведения,
Государственный университет –
Высшая школа экономики (г. Москва)

E-mail: anastasiya13@mail.ru

Tumanova Anastasiya Sergeevna

Doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor,
sub-department of the theory of state
and comparative jurisprudence,
State University – Higher School
of Economics (Moscow)

УДК 327[47+57]

Саломатин, А. Ю.

Обновление Российского государства в контексте мирового модернизационного процесса (сравнительное политико-правовое исследование) / А. Ю. Саломатин, А. С. Туманова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2 (14). – С. 21–30.